
Как нищему Москва,
Как крышам не достать до небосвода,
Мой край - моя тоска.
Мой дом - моя печальная свобода.
Пожалуйста зашей
Мне в память ту весну - в ней Саня умер.
Где мы меж гаражей
Могли бухать "вэдэ" иль даже "кулер".
Где мой завод дымил,
Где я аппендицитом по сути был,
Таким же как и Саша,
Почти что вырезанным из пейзажа
Той жизни, той весны.
Прости, но я не смог как он. И даже
Горящие кусты
Не смогут мне ответить нахуя же
Жить так как мы живём?
Тем самым пресловутым тростником.
В болотной слякоти
Растём, гниём и мыслим. От жалости
К себе и до "прости!"
Куда-то вверх, куда-то в пустоту и
Эхом слышим лишь
"Расти! Расти!" А я блядь вырос. Дни
Не лгут. Увидь, очнись,
Ведь жизнь она не пряник и не кнут.
Одни лишь дни идут
И в форточку мне дуют. А с порога
Молчит немая жизнь.
И стоит ли мне обращаться к богу?
Или как Саня
Обратиться им?

Не верь апрелю. Апрель -
Это настезь закрытая дверь.
Капли не верь. Капель -
Пот мертвецов и слезы потерь.
Весна - надежда юнцов
На безоблачно-светлое завтра.
Весна - это скорбная трель скворцов,
В янтаре застывшая мантра.

Потерять всё - задача непростая,
Но все справятся.
Горбатого могила исправит.
На постой отправляют старых,
А мы еще поёжмся
На холодной улице
Возле вокзала.

Чайку в палатке возьмём
Обсудим, почему да по ком
Гудит отъезжающий поезд.
Молотком по коленным чашечкам
Стучат колеса по рельсам
Куда деваться? Как Ельцин
Пуститься в пляс
Утромбовать болото
В котором оказалась родина
Оставив лишь возможность
Ебашить на заводе нам?
Но завод рано или поздно
Кончится одиночеством.
Механизм заклинит,
Камень скатится,
Но некому будет за ним идти
Дорога под ногами идущего,
Но если проектировать себя в будущее - то нет пути.
Оставь, остановись, танцуй.
И только так.
Абсурд под ногами танцующего
И только если ты сумасшедший,
То соответствуешь миру полностью.
Если отпустил кожуру апельсина,
А не торгуешь ротовой полостью.
Выбор один из множества -
Танец, и он сакрален.
В чистом поле под Богом
Человек человеку - Каин.
И до тебя дойдет острия поцелуй,
Так спаси не себя - танцуй.

Выпить пива - не значит спиться.
Обещать - не значит влюбиться.
Полюбить - не значит навечно.
Убиться - не значит нарочно...

Конечно, мы все по идее
И каждому нужен смысл,
Но мне с каждым годом больше,
Ведь мысль сильнее материи,

Как папа сильнее матери
Папе неволя претит.
Моя мать провела жизнь на паперти.
Я на скамейке убит

В дорогом мне тысячелетнем
Городе, дешевым трехлетним.

В холоде, поджимаю колени стрательно,
Заливая ту самую трещину,

Только толку?

Ведь знал, если долго
Вглядываться в женщину,
То влюбишься окончательно.

А я смотрел на тебя как ребенок
В детском саду
На улицу сквозь сетку-рабицу.

Стоял, скрывая досаду,
Прощаясь, резал глаза о скулы.
Голос твой слаб и тонок:

"Придешь домой - маякни" -
Я так и не маякнул, а
Отношения - простая структура:

Падающего - толкни.
И ты меня оттолкнула.

Я когда-нибудь приду из пизды да в норму
Домой, да под чаек пение,
Остальное - ебись конём,
Скажу, напомнив себе отца.

У парадки сброшу пустую торбу.
Замру, и лишь на мгновение,
Рухну в момент, я в нём
Еще светло-русый пацан.

Там где гонял голубей, не давая корму,
Там где не важно чужое мнение,
Там где не знал, что всё просрем,
Под весёлые темпы калечного вальса.

Тошнота подкатит к горлу,
И какого моё изумление,
Когда почувствую в нём
Свои же два пальца

Под смачные звуки гортани
Лечу плевком меж перил.
Пролетая подъездные брани,
Консервные банки могил.

Мне не надо до первого. К чёрту
всю иронию. Я не о том.
Где-то там меня ждет девчонка.
Не разбиться бы на восьмом.

На площадке ругаются матом.
Интересно, взахлёб с огоньком.
Вся разборки кончаются патом,
Оставляя лишь в горле ком.

На шестом стоят лыжи и коврик велком,
А на пятом старик лет семидесяти
Затянул беломорину, мельком
Взглянул - некому мусор вынести.

На четвёртом рвут Башлачева,
С ором "слабай колокольчики" и "до дна!"
Я остался бы там на четвёртом,
Но на третьем живёт она.

Вниз по лестнице каждый божий
День, она ходит стуча каблуками.
С такой белой, ангельской кожей
За засаленные поручни, да руками.

Мимо больше лететь я не в силах.
На втором, где герань поедена тлей,
Оставь меня, Господи, на перилах.
Быть может размажет меня пятерней.

Пусть берег скалами скалится,
Родные скулами жилиются.
За мной приехала конница.
Пусть море волнами пенится,
Возможно родится из них Афродита.
По-сути - ничего не изменится.
На деле - это всё, что мне надо.

Самопальное ложе в семейной общаге.
Односпальная жизнь в ярославской трущобе.
Из еды лишь сырок, что я стырил в "умаге".
Трудно в бою, хоть рвал зад на учёбе.
Не, ну а чё? Мне когда-то маячил
путь на завод. Мне учитель пророчил
в Рыбинске жить до седин, мол просрочен
твой билет в жизнь, где ты обеспечен.
Дал обещание - как закончу,
школу ту энную (даже по форме),
то за советы все невъебенные,
ни разу вас в жизни не навещу.
Но вот навещаю, ведь в чём-то вы правы:
друзья, одноклассники, что на заводах,
на нарах, на парах в шараге, в отравах,
в заниженных тачках, семейных заботах -

они что-то знали, развитие что ли
событий их жизни заранее? Воли
не надо - в коробке удобнее
как хоронить, так и жить. Априори
по пятницам пить, выходной отсыпать,
в понедельник опять на завод многолюдный.
А я же в прострации. В комнате затхлой,
то убийственный эрос, то рукоблудный
танатос, свой космос, свой запах,
свой флёр, нищий пафос жилья за пятеру.
Я принял на веру, что кем-то да стану -
Не примой в лосинах, не суперзвездой,
А щедро останусь, как мелочь на кассе,
Травкой зеленой на теплотрассе.
Вечно жёлто-зеленой травой.